

Научная статья

УДК 347.157.1

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-3/139-145>

Становление системы защиты прав детей: СССР и современная Россия

Павлюк Евгения Владимировна

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Аннотация. Защита прав детей в современном мире, как и в России, является одним из самых базовых факторов экономического, социального и культурного развития. В статье конструируются права детей как социальный институт, имеющий отношение к многофункциональному характеру современного ребенка. Используются методы анализа первичных источников информации, систематизации, индукции, дедукции, сравнительно-описательный. В ходе исследования были рассмотрены теоретические аспекты становления института защиты прав детей в СССР, проведен историко-правовой анализ, определены предпосылки и факторы, сформировавшие современное развитие политики в сфере защиты прав детей. Анализ правовых норм показал преемственность между позднесоветской практикой и современными подходами властей к противодействию интересам обеих сторон – детей и родителей.

Ключевые слова: права ребенка, права несовершеннолетних, защита прав детей, политика защиты прав несовершеннолетних.

Для цитирования: Павлюк Е.В. Становление системы защиты прав детей: СССР и современная Россия // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2022. Т. 14, № 3. С. 139–145. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-3/139-145>

Original article

The formation of a system for protection of children's rights: the USSR and modern Russia

Evgeniya V. Pavlyuk

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Abstract. The protection of children's rights in the modern world, as in Russia, is one of the most important, basic factors of economic, social and cultural development. The article constructs the rights of children as a social institution related to the multifunctional nature of the modern child. Methods of analysis of primary sources of information, systematization, induction, deduction, comparative descriptive are used. In the course of the study, the theoretical aspects of the formation of the institute for the protection of children's rights in the USSR were considered, a historical and legal analysis was carried out, the prerequisites and factors that formed the modern development of policy in the field of the protection of children's rights were determined. The analysis of legal norms showed continuity between late Soviet practice and modern approaches of the authorities to counteract the interests of both sides of children and parents.

Keywords: children's rights, minors' rights, protection of children's rights, policy of protection of minors' rights.

For citation: Pavlyuk E.V. The formation of a system for protection of children's rights: the USSR and modern Russia // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2022. Vol. 14, № 3. P. 139–145. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-3/139-145>.

Введение

События Октября 1917 г. стали поворотным моментом в истории России, направили развитие российского общества в совершенно иное русло, провозгласив равенство сословий и полов, секуляризацию власти и быта и государственную собственность в качестве идеалов социального устройства. Коренным образом изменилось законодательство. Нормативно-правовые акты царских времен были отменены, их заменили декреты ВЦИК, постановления Совнаркома и других органов советской власти.

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении актов гражданского состояния» советское государство ликвидировало понятие «родительская власть» и установило взаимные права и обязанности родителей и детей.

Основная часть

В советский период быстрая смена движущих сил вызвала турбулентность в процедурах и учреждениях по защите детей.

Регуляция репродуктивных паттернов и системы поддержки матери постоянно менялись в соответствии с демографическими проблемами, связанными с коллективизмом: события Октября 1917 г., коллективизация и индустриализация страны в 30-е годы, Вторая мировая война и вторая волна индустриализации в 1960-е гг. [1]. Современный институциональный дизайн, характерный для многих постсоветских стран, можно рассматривать как результат преобразований, начатых в конце 1970-х гг. [2].

Во второй половине 1970-х гг. умеренная фамилиализация заменила прежнюю монополию государственной помощи: прямые и косвенные пособия для семей были введены на фоне экономических кризисов и снижения рождаемости [3].

Основным намерением советской политики было изменение ответственности за детей от государственных учреждений перед родителями. Наряду с изменениями в семейной политике появлялись новые меры, направленные на установление более последовательного мониторинга семей. Строгие критерии, связанные с изъятием детей, и ограничение родительских прав были введены Пленумом Верховного Суда в 1979 г. [4].

Постановлением № 9 установлены новые критерии изъятия ребенка из семьи, равные критериям лишения родительских прав. Наряду с этим были введены специальные гарантии для лучшего ухода за больными детьми. Специальное Постановление ЦИК Коммунистической партии в 1987 г. выпустило «Меры по коренному улучшению воспитания, образования и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [5]. Появляются учреждения для найма помогающих специалистов (психологов и логопедов).

Как и в случае с защитой детей в западных странах, поздняя советская политика выступала против интересов как детей, так и родителей; причем последние рассматриваются как потенциально менее компетентные чем профессионалы.

Изменения в институциональном дизайне сопровождались преобладанием эволюционистского подхода, выработанного советской психологией и педагогикой.

Советская общественная жизнь не предусматривала достаточного количества вариантов поэтапного уточнения подходов к сбалансированию различных статусов ребенка [6]. Во время вполне яркого, но довольно короткого периода, когда гуманистический подход был очевиден в практиках (в конце 1960-х гг.), детская литература (как переводы скандинавских авторов, так и родные тексты) и психологические теории частично узаконили понятие «прав ребенка». Но до конца советского периода коммуникативный дискурс вокруг детей в первую очередь рассматривал детей как источник национального богатства [7]. В России это мышление продолжает формировать семейную политику.

Международные эксперты подчеркивают различные недостатки действующего российского законодательства, препятствующие нарушению последовательного применения международных правил: отсутствие положений, касающихся их реинтеграции, и общение с семьями; фрагментарный общественный контроль за жилыми помещениями; отсутствие правовой помощи родителям [8].

Анализ действующих в настоящее время правовых норм свидетельствует о преимуществах между позднесоветской практикой и современными подходами властей к противодействию интересам обеих сторон: детей и родителей.

Семейный кодекс РФ (1994) устанавливает административные основания для изъятия ребенка из семьи (ст. 77). Систематическая практика применения этой меры началась во второй половине 2000-х гг. [8]. Несмотря на правовой порядок, ограничивающий родительские права, судьи поддерживают позицию местных органов власти, и родителям не хватает процедур, обеспечивающих им справедливый судебный процесс [9]. До 2010 г. временное ограничение родительских прав оставалось редким вариантом; ребенок и биологические родители были разлучены лишь в небольшом количестве случаев.

Решение о дальнейшем помещении ребенка на воспитание производится по распоряжению медико-психолого-педагогического совета в отношении детей-инвалидов.

С конца 2000-х гг. закон начал криминализировать поведение родителей и детей введением таких норм, как: комендантский час для несовершеннолетних в возрасте до 18 лет, дополненная родительская гражданско-правовая ответственность в случае нарушения данной нормы (2009); усиление меры в отношении родителей, осужденных за бесчеловечное обращение с детьми (2010); ответственность за сексуальные преступления против несовершеннолетних (2012) [10].

Несколько судебных дел против «безответственных» опасных родителей вызвали широкий общественный резонанс и повлияли на коммуникативный дискурс вокруг вопроса о конфиденциальности и ее границах [11].

Так, Новгородское дело, в котором мать была обвинена в покушении на убийство своей дочери, вызвало большую общественную обеспокоенность в связи с процессом принуждения в случае неумышленного причинения вреда.

Дело Владимира Макарова (который был признан виновным в сексуальном насилии над своей восьмилетней дочерью) демонстрирует растущее недоверие к существующей системе экспертизы и досудебного расследования (РИА Новости, 2011).

В 2009 г. дело Агеевых [12] приобрело важное значение для развития общественной озабоченности по поводу прав детей и границы для принудительного вмешательства в семьи. Агеевы (приемные родители) были лишены родительских прав после того, как их сын был госпитализирован после телесных повреждений.

Агеевы стремились к справедливости на всех национальных уровнях и затем подали апелляцию в Европейский суд по правам человека, который заявил о нарушении их права на личную жизнь. Это выявило существующие недостатки в российских нормативных актах, касающихся семейной автономности. Суд вынес решение против России. Между тем дело Агеевых поляризовало российское общественное мнение. Существовало две позиции, указывающие на нынешний диапазон мнений относительно прав детей, а именно: поддержка интересов ребенка и поддержка интересов родителей. Большинство экспертов поощряли наказание родителей и выступали за публичность вокруг таких случаев, как помощь в предотвращении насилия в отношении беспомощных детей в семьях.

Русская Православная Церковь и союзы родителей выступили против принудительного обращения и использовали дело Агеевых для вербовки общественного мнения в кампанию, названную ими антиювенальной юстицией. Задолго до дела Агеевых ювенальная юстиция определялась как совокупность практик, направленных на ограничение прав родителей и непосредственно бросающих вызов неорганическому влиянию международных органов, которое контрастирует с общепринятым мнением, доказанным веками: кто осмелился намекнуть на приоритет международного права над национальным законодательным органом?

Несмотря на противоположные взгляды, многие эксперты согласны с упрощенным подходом к международному праву: либо игнорировать необходимость разрешить конфликт между основными ценностями, либо отказаться от его использования из-за неясности и обобщенности критерия [14].

В настоящее время Правительство РФ также стремится защитить детей от информации, которая способствует отрицанию традиционных семейных ценностей, в частности, в отношении к нетрадиционным половым отношениям; оно ввело в действие новое законодательство (ФЗ № 35) [15].

Общественные дебаты вокруг новых правил были инициированы международным гуманитарным сообществом; в основном они остались на уровне одиноких голосовых протестов из числа российских ЛГБТ-активистов. Только запрет на усыновление детей американцами (введенный в 2012 г.) привел людей к массовым протестам против государственной политики в отношении детей.

Следуя закону Димы Яковлева (унифицированное название закона, запрещающего американцам усыновление), другие запреты (на усыновление гражданами стран, которые, по мнению российских властей, проводят сочувственную политику по отношению к ЛГБТ) не привлекли внимания общественности. Кроме того, запрет на международное усыновление можно рассматривать как усиление контроля над детскими правами как в частной, так и в публичной сферах.

Коммуникативный дискурс в пользу запрета состоял из двух взаимосвязанных аргументов. Первый подчеркнул невозможность контроля за иностранными семьями и предотвращение насилия в отношении детей. Второй был сосредоточен на нерелевантной культуре (отсутствие терпимости к различиям детей) как угроза развитию ребенка.

Заключение

Развитие политики в отношении защиты прав детей, начиная с периода СССР, изначально было направлено на защиту детей и более жёсткий контроль за семейным институтом, потому что во время коммунизма важным оставалось следование идеологии, даже в воспитании. После 2000-х гг. времена изменились, политика стала активно совершенствоваться в направлении исключительной защиты детей.

Список источников

1. Борисова Н.Е. Конституционные предпосылки защиты прав ребенка // Защита прав ребенка в современной России. Москва, 2014. С. 16.
2. Бернштейн Е.В. Реализация прав ребенка на защиту своих прав // Аспирант и соискатель. 2013. № 2. С. 22–25.
3. Беседкина Н.И. Основания лишения родительских прав // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 110, 111.
4. Беседкина Н.И. Права неродившегося ребенка // Государство и право. 2021. № 4. С. 54–60.
5. Беседкина И.И. Правовое регулирование статуса ребенка в Российской Федерации // Государство и право. 2016. № 11. С. 44–51.
6. Боровикова В.В. Вопросы применения Федерального закона Российской Федерации «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 75–77.
7. Букалерова Л.А., Атабекова Л.А., Симонова М.А. К вопросу о приемлемости для России положений Стратегии Совета Европы по правам ребенка (2016–2021 гг.) // Государство и право. 2018. № 1. С. 65–71.
8. Букалерова Л.А., Атабекова Л.А., Симонова М.А. К вопросу об имплементации положений Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений в российское законодательство // Международное публичное и частное право. 2018. № 6. С. 25–29.
9. Вакуленко Н.А., Соломоненко И.Г. О дополнительных механизмах противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению // Юрист-правовед. 2017. № 4. С. 103–107.
10. Веретенников А.В. Некоторые актуальные вопросы защиты прав детей, оставшихся без попечения родителей // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 26–28.
11. Воронина З.И. Реализация права ребенка на идентифицирующую информацию при применении вспомогательных репродуктивных технологий // Российский юридический журнал. 2018. № 2. С. 63–68.
12. Гавриш И.В. Права и свободы ребенка в выборе религиозных убеждений (на материале международно-правовых актов) // Вестник Московского ун-та. Серия 7. Философия. 2022. № 6. С. 70–83.

13. Галютудинов Б.С. К вопросу о деятельности Института уполномоченного по правам ребенка в России и в зарубежных странах // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2019. № 3. С. 12–14.
14. Замотина М. Главное – не оставить детей на произвол судьбы // Человек и закон. 2019. № 10. С. 4–8.
15. Демкина А.В. Споры о детях: место жительства ребенка и порядок осуществления родительских прав // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 76–84.
16. Ерохина Е.В., Филиппова Е.О. Проблемы жестокого обращения с детьми // Рос. юстиция. 2021. № 3. С. 23–25.
17. Жаров А.О. Актуальные вопросы совершенствования механизма немедленного отбирания ребенка при непосредственной угрозе его жизни и здоровью в законодательстве Российской Федерации // Закон. 2019. № 1. С. 90–95.
18. Жирикова К.А., Саядян С.Г. К вопросу о практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 55–57.
19. Замалеева С. Жизнь как объект ятрогенных преступлений // Уголовное право. 2019. № 1. С. 24–27.
20. Кузьмина В.М. Становление ювенальной юстиции в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия. Юридические науки. 2011. № 2. С. 57–68.

References

1. Borisova N.E. Constitutional prerequisites for the protection of the rights of the child. *Protection of the rights of the child in modern Russia*. Moscow; 2014. P. 16.
2. Bernstein E.V. Realization of the rights of the child to protect their rights. *Postgraduate student and applicant*. 2013; (2): 22–25.
3. Besedkina N.I. Grounds for deprivation of parental rights. *"Black holes" in Russia. Legislation*. 2017; (5): 110, 111.
4. Besedkina N.I. The rights of an unborn child. *State and law*. 2021; (4): 54–60.
5. Besedina I.I. Legal regulation of the status of a child in the Russian Federation. *State and law*. 2016; (11): 44–51.
6. Borovikova V.V. Questions of the application of the Federal Law of the Russian Federation "On the protection of children from information that harms their health and development". *"Black holes" in Russia. legislation*. 2018; (5): 75–77.
7. Bukaleroва L.A., Atabekova A.A., Simonova M.A. On the question of the acceptability for Russia of the provisions of the Council of Europe Strategy on the Rights of the Child (2016–2021). *State and Law*. 2018; (1): 65–71.
8. Bukaleroва L.A., Atabekova A.A., Simonova M.A. On the implementation of the provisions of the Council of Europe Convention on the Protection of Children from Sexual Exploitation and Sexual Abuse in Russian Legislation. *International. publ. and private law*. 2018; (6): 25–29.
9. Vakulenko N.A., Solomonenko I.G. On additional mechanisms of countering activities aimed at encouraging children to suicidal behavior. *Jurist-pravoved*. 2017; (4): 103–107.
10. Veretennikov A.V. Some topical issues of protecting the rights of children left without parental care. *Russian Justice*. 2019; (3): 26–28.
11. Voronina Z.I. Realization of the child's right to identifying information when using assisted reproductive technologies. *Russian Legal. journal*. 2018; (2): 63–68.
12. Gavrish I.V. Rights and freedoms of the child in the choice of religious beliefs (based on the material of international legal acts). *Vestn. Moscow. un-ta. Ser. 7. Philosophy*. 2022; (6): 70–83.

13. Galyautdinov B.S. On the issue of the activities of the Institute of the Commissioner for Children's Rights in Russia and in foreign countries. *"Black holes" in Russia. legislation.* 2019; (3): 12–14.
14. Zamotina M. The main thing is not to leave children to their fate. *Man and the law.* 2019; (10): 4–8.
15. Demkina A.V. Disputes about children: the child's place of residence and the procedure for exercising parental rights. *Journal of Russian Law.* 2021; (5): 76–84.
16. Erokhina E.V., Filippova E.O. Problems of child abuse. *Ros. justice.* 2021; (3): 23–25.
17. Zharov A.O. Actual issues of improving the mechanism of immediate selection of a child in case of an immediate threat to his life and health in the legislation of the Russian Federation. *Law.* 2019; (1): 90–95.
18. Zhirikova K.A., Sayadyan S.G. On the practice of applying legislation by courts in resolving disputes related to the protection of the rights and legitimate interests of a child. *Russian Justice.* 2018; (6): 55–57.
19. Zamaleeva S. Life as an object of iatrogenic crimes. *Criminal law.* 2019; (1): 24–27.
20. Kuzmina V.M. The formation of juvenile justice in Russia. *Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series. Legal sciences.* 2011; (2): 57–68.

Информация об авторе:

Павлюк Евгения Владимировна, аспирант, 4 курс, ВГУЭС, г. Владивосток, E-mail: reasonable@inbox.ru

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-3/139-145>

Дата поступления:
27.05.2022

Одобрена после рецензирования:
05.07.2022

Принята к публикации:
27.08.2022